

Администрация Торопецкого района
Краеведческий координационный совет
Центральная библиотека

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ,
ПОСВЯЩЁННЫЕ 925-ЛЕТИЮ г. ТОРОПЦА
И 160-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ М.П. МУСОРГСКОГО
22 апреля 1999 года, г. Торопец
Доклады и сообщения

При поддержке Института «Открытое общество»
(Фонд Сороса). Россия

Торопец
Издательство
Учебного информационно-компьютерного центра
2001

ОБОЗНАЧЕНИЯ ПРОФЕССИЙ И ЗАНЯТИЙ В МИРСКИХ ИМЕНАХ ЖИТЕЛЕЙ ТОРОПЦА И ТОРОПЕЦКОГО УЕЗДА В XVI ВЕКЕ

Значительную часть личных именованных русских людей составляли мирские (прозвищные) имена. Едва ли не каждое из них могло иметь несколько значений или оттенков содержания, и исследователь, работающий с документами XV—XVII веков, не имеет возможности узнать конкретные поводы (казусы, случаи), по которым давалось то или иное мирское имя. Но есть одна обширная группа таких именованных, в которой значения имён довольно понятны. Это именованные по занятиям людей, их должности или профессии.

Нами сделана выборка таких прозваний из текста знаменитой Торопецкой писцовой книги 1540 года /далее ТПК. — Л.Б., В.В./¹ И хотя в тексте ТПК жители города и уезда перечисляются с непосредственным указанием их занятия, именной материал даёт ценную дополнительную информацию для характеристики профессиональной структуры Торопецкой земли.

Поскольку фамильная традиция в XVI веке ещё только формировалась, то в ТПК абсолютно преобладают имена и отчества. Фамилий гораздо меньше. А это значит, что приведённые в ТПК именованные по профессиям действительно принадлежат торопчанам и давались здесь же — в городе или уезде.

Мы сгруппировали именной материал с таким тематическим содержанием по нескольким разделам. Эта классификация несколько условна, но всё-таки позволяет более чётко очертить разные сферы деятельности.

1. Именованные, образованные от терминов, обозначающих должности и статус: *Посадник* (один из высших городских чинов), *Воротников* (человек, дежуривший у городских ворот), *Пушкарёв*, *Пушкин* (человек, обслуживающий это орудие), *Бойко* (воин), *Ямщиков*. Большую группу в этом разделе составляют именованные от терминов, обозначающих церковные должности: *Игуменов* (настоятель монастыря), *Поповы*, *Попков*, *Попко*, *Популко*, *Популя*, *Пономарёв*, *Дьяк*, *Проскуртыцын*.

2. Именованные от терминов, называющих виды сырья: *Дехтерев*, *Дехтябрь*, *Лыкова* (*Лынникова*), *Смолниковы* (*Смольнишы*, *Слюляниновы*).

3. Именованные от терминов, обозначающих ремесленные занятия;

3.1. Строительные специальности: *Доцальник*.

3.2. Обработка металла: *Кузнецовы*, *Замочников*.

3.3. Обработка кожи: *Седельников*, *Скоряк*, *Скурат*, *Сыромятников*.

3.4. Изготовление посуды: *Бочкарев*, *Бончар*, *Ведерников*, *Горнчар*, *Череп* (гончар).

3.5. Изготовление одежды: *Кофтанниковы*, *Шапочников*, *Кропач* (портной, перешивающий старую одежду).

3.6. Производство продуктов питания: *Бражник*, *Винников*, *Куретник* и *Куретников*, *Мясниковы*, *Овсяник*, *Повор*.

3.7. Художественные ремёсла: *Золотарев*, *Серебренников*, *Бисиров*.

4. Именованные по терминам, обозначающим сельскохозяйственные работы: *Земец* (пасечник), *Косарь*, *Трепарь* (треплет лён).

5. Именованные по торговой терминологии: *Борыга*, *Гость*, *Гостюха*.

6. Другие виды деятельности: *Ведун*, *Дудор*, *Скоморохов*, *Скоморошков*.

Отличительной особенностью таких именованных лингвисты считают типичные для них суффиксы: *-ник* (*Дошкольник*, *Ведерников*), *-чик/-щик* (в ТПК не встречены, в других документах: *Медведчик*, *Суконщик*), *-ар* (*Бочкарев*, *Золотарев*), *-ей*, (*Кузней*). Но в некоторых случаях именованные, заключающие в себе значение профессий, могут не быть оформлены таким специальным суффиксом: *Брагин* и *Бражлов*, *Дудка*, *Дудин* и *Дудкин*, *Кадушка*, *Кожин*, *Коробеи*, *Коромысл*, *Масло* и *Маслов*, *Мех* и *Мехов*, *Мясцов*, *Ноговицын*, *Рыбин*, *Телегин*.

Торопецкая книга 1540 года / Подготовили к печати М.Н. Тихомиров и Б.Н. Флоря // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964. С. 277-357.

Некоторые из перечисленных личных именований могли и не отражать профессии или занятия, а характеризовали внешний вид человека, его характер и т.д., то есть давались на основании довольно сложных ассоциаций, имели переносное значение.

Авторы продолжают работу над систематизацией имён торопчан XVI века, названных в ТПК. Именной материал очень представительен — ведь в ТПК почти 30 тыс. имён.

В.М. Воробьев

ДРЕВНИЕ ПУТИ СООБЩЕНИЯ НАВОДОРАЗДЕЛЕ ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ И ЛОВАТИ

Проблема внешних этнокультурных контактов населения бассейна Западной Двины в разные эпохи имеет ключевое значение для реконструкции исторического прошлого Северо-Запада Восточно-Европейской равнины в первобытности и средневековье. Если историческая география междуречий Двины и Немана, Двины и Днепра, Двины и Волги не раз становилась объектом внимания археологов, этнографов и историков, то пути сообщения между Двиной и Ловатью обсуждались почти исключительно в связи с проблемой волоков на раннесредневековом «пути из варяг в греки». Эти волоки традиционно локализуются в юго-западной части Двинско-Ловатского междуречья, особая роль при этом отводится так называемому «Усвятскому волоку».

Между тем бассейны Двины и Ловати связаны между собой чрезвычайно разветвлённой сетью притоков обеих крупных рек, в том числе в северной части междуречья, лежащей на Валдайской возвышенности, в пределах Тверской области, в древней Торопецкой земле. Холмисто-равнинный ландшафт со множеством озёр ледникового происхождения оказался весьма приемлемым для расселения охотников и рыболовов каменного и бронзового веков, а позднее — для скотоводов раннего железного века и славян-земледельцев эпохи средневековья.

Западная Двина представлена здесь бассейнами крупных правых притоков — Торопы и Волкоты, а к водосбору Ловати относится система ее крупнейшего правого притока — Куньи. Полоса водораздела между бассейнами главных рек, имеющая общую меридиональную направленность, смещена к востоку, то есть к течениям Торопы и Волкоты. Это объясняется тем, что многочисленные правые притоки Куньи, начинаясь на Валдайской возвышенности, текут далее на запад в довольно низменном ландшафте и имеют поэтому довольно значительную для таких рек протяжённость.

В полосе Двинско-Ловатского водораздела, в северной его части, удалось выявить в процессе историко-географического районирования не менее 26 переходов-волоков между бассейнами Торопы и Волкоты, с одной стороны, и Куньи, с другой. Автором разработана методика их выявления, подкреплённая данными археологии, региональной топонимии, анализом системы сельского расселения, местных путей сообщения и т. д.

Важнейшими среди этих переходов, на наш взгляд, являются следующие (перечисляются с юга на север):

- исток Кулицы, бас. Торопы < > исток Санны, бас. Куньи;
- исток Тростянки, бас. Торопы < > исток Добши, бас. Куньи;
- правобережье Торопы < > исток Тершинки, бас. Куньи;
- исток Сгрежинки, бас. Торопы < > южное побережье оз. Самин, бас. Куньи;
- западное побережье оз. Городно, бас. Торопы < > левобережье лп Охонни, бас. Куньи;
- западное побережье оз. Волкото, проточного на Волкоте < > восточное побережье оз. Долосец, бас. Куньи;
- северный берег оз. Каменного, бас. Волкоты < > исток Большого Тудёра, бас. Куньи.

Микрорайоны, лежащие по обе стороны полосы водораздела в непосредственной близости от этих переходов-волоков, очень насыщены археологическими памятниками первобытности и средневековья, являясь зоной первичной стабилизации населения на основных путях миграций в западной части Валдайской возвышенности. Примечательно наличие близ каждого из этих переходов одного или нескольких городищ, построенных в раннем железном веке, но

сохранявших оборонительные функции и позднее.

В некоторых случаях требуется проведение дополнительных археологических разведок в историко-географических целях. Представляется, в частности, продуктивной гипотеза о множественности (по крайней мере, не единичности) вариантов участка «пути из варяг в греки» в этой части Двинско-Ловатского междуречья. Водные дороги вверх, по правым притокам Куньи — Серёже, Оке, Добше — без труда приводили на Торопу, в давно и успешно освоенный в хозяйственном отношении район, где можно было и продать товары, и пополнить их запасы, двигаясь отсюда вплоть до устья Каспли вниз по течению, то есть прилагая минимум усилий. Полевое изучение древних путей сообщения в Двинско-Ловатском междуречье может стать предметом комплексных исследований учёных России, Беларуси и Латвии.

Ермакова С.М.

ПОКРОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ТОРОПЦЕ

«Сколько сей город ныне не мал и не славен, в рассуждении прочих городов, но несмотря на оное, было в нём довольно достопамятностей», и в их числе – церковь во имя Покрова Божией Матери.

Строительство храма во имя праздника Покрова Божией Матери было начато в г. Торопце в 1766 году, и уже через 8 лет, 19 октября 1774 года, церковь была освящена.

Строилась она на личные средства купца 1-й гильдии Якова Васильевича Туфанова, который «как по древности своего рода, так и по великому торгу, который он сперва с немцами и голландцами, а потом с англичанами и китайцами счастливо производил, считался между гражданами первым и служил оным примером, оказывал всевозможные услуги в обществе и делая отечеству своему торговлею немалую прибыль и славу».

Мы не знаем, какой зодчий строил Покровскую церковь. Но, по мнению исследователя Торопецкой архитектуры Артура Адамовича Галашевича, вероятно, это был местный мастер, хорошо знакомый со столичной петербургской архитектурой.

Храм построен с «особливым вкусом и отменным великолепием» и почитался в городе «по справедливости как наилучшим и огромнейшим». И по сей день удивляет и заставляет выделять Покровскую церковь среди других необыкновенная высота здания.

Церковь выстроена из кирпича, в плане имеет форму скругленного квадрата, покрыта листовым железом на железных стропилах. Крест на церкви был «вызолочен двойником».

Покровская церковь была летней, холодной, трехпрестольной. главный престол — во имя Покрова Божией Матери, южный — во имя апостола и евангелиста Иоанна Богослова, северный — во имя преподобного Якова, епископа и исповедника.

Вели в храм две двери с кирпичными крыльцами, вымощенными плиткой из чугуна. Внутри также были вымощены плиткой из чугуна алтарь и приделы.

Интерьер церкви поражает взгляд и нашего современника: впечатляет пространство, высота, обилие красивых округлых арок и изысканная лепнина на колоннах и стенах храма.

Иконостас церкви был «резной, позлащённый золотом и двойником вызолоченный». Царские врата — столярной работы с резьбой, вызолоченные червонным золотом. На них образ Сошествия Св. Духа на апостолов. Нимбы апостолов также были вызолочены.

Царские врата в придельных храмах были резные, сквозные, чеканной работы, с чернью.

Крестов на престольных имелось четыре — серебряные, чеканной работы, с чернью.

Практически все иконы церкви были в серебряных или вызолоченных окладах, церковная утварь — из драгоценных металлов.

В 1806 году Покровская церковь, за неимением прихода, была приписана к Никольской церкви, и с этого времени оба храма во всех документах именуется как единая Покрово-Никольская церковь.

Богослужение в летней Покровской церкви отправлялось в соответствии со временем года — с Пятидесятницы до первой недели Покрова, совершалась в ней служба и вечером первого дня

Пасхи. Если погода была хорошая, то около храма собиралось очень много народа, но большинство в церковь не заходили, а в своих демисезонных костюмах, иногда специально к этому празднику сшитых, и в новых весенних шляпах оставались на площади, прогуливаясь и щеголяя своими нарядами друг перед другом.

Из храма совершалось два крестных хода: первый, общий для всех церквей города, с храмовыми иконами в Корсуно-Богородицкий Собор, а из Собора вокруг всего города в память по случаю избавления Торопца от холеры в 1831, 1848 и 1852 годах, совершая этот крестный ход в первое воскресенье после 8 июля; второй, в день Покрова Пресвятой Богородицы, совершался из Собора с чудотворной иконой Корсунской Божией Матери до Покровского храма и обратно.

Торопчане «выказывали особое расположение» давать средства как на постройку церквей, так и на их поддержание и украшение. Такие пожертвования они считали наиболее богоугодными.

Так, в 1885 и 1899 годах церковь ремонтировалась на средства прихожан — купцов 2-й гильдии Георгия Алексеевича и Павла Георгиевича Гладильщиковых, а также мещанина Ивана Николаева.

В 1890 году на средства купца Ивана Георгиевича Гладильщикова был вызолочен иконостас в одном из приделов.

По данным клировой ведомости за 1900 год, капитала в пользу Покрово-Никольской церкви поступило 400 рублей, которые были пожертвованы купеческой вдовой Натальей Болталовой, мещанином Федором Лапшиным, мещанкой Аллой Болталовой, священником Федором Адмираловым.

В пользовании церкви находилось озеро Куденец с островами и берегами, от которого церковь получала арендную плату.

Средствами на содержание причта в начале XX века служили жалованье священника и проценты с 1800 руб., которые находились в именных билетах Государственного банка. Пожертвован «сей капитал» был в разное время многими лицами, в т.ч. мещанкой Б.Г. Туфановой — однофамилицей или родственницей Якова Васильевича Туфанова.

Причтом сдавалась в аренду мельница «Брусованка», а также пахотная и сенокосная земля, количество которой оставалось неизменным с 1799 года.

Средством к содержанию причта служили также и доходы, получаемые священнослужителями за «требоисправления».

Церковная библиотека состояла из книг, «разнообразных по содержанию и немногих по количеству»: это книги Священного Писания, Писания Святых Отцов, богослужебные и исторические книги. Из журналов выписывались церковные и епархиальные ведомости.

Приходских дворов по данным за 1861 год было 92: в них «мужского пола 232 души, женского 280 душ», а к концу XIX — началу XX веков количество прихожан увеличилось вдвое: мужского пола — 458, женского — 560. Увеличению числа прихожан, может быть, способствовало то, что к Покрово-Никольской церкви в 1876 году был приписан храм Казанской Божией Матери.

Рядом с Покровским храмом стояла каменная колокольня, построенная в 1766 году, которая «по своим архитектурным формам и вертикальному построению почти полностью соответствовала Покровской церкви».

Как отмечал В.В. Косточкин, «её нижний ярус с арочным проездом как бы отвечал нижнему объему храма, второй ярус с широкими арками звона соответствовал верхнему объему, и, наконец, третий, венчающий объем колокольни, также снабжённый арочными проемами, перекликался с фонарем церкви. Подобное соответствие двух отдельно стоящих архитектурных объемов наглядно свидетельствует об одновременности их воздвижения» и о том, что строителем колокольни Покровской церкви был зодчий, воздвигнувший и сам храм.

Во втором ярусе колокольни висело 10 колоколов без надписей. Среди них находился и один из самых больших колоколов города весом в 310 пудов. (Самый большой колокол, весом в 400 пудов, висел на колокольне Корсуно-Богородицкого Собора).

Возможно, именно об этом колоколе рассказывал в своих заметках М. Долгоруков. Летом 1900 году какой-то купец, «видно, много нагрешивший», купил для колокольни Покрово-Никольской церкви колокол «пудов в 250-300 весом». Колокол был покрыт ажурной вязью, медальонами, с изображением святых и «весь сияющий производил на многих чарующее впечатление». Смотреть

его сбежался буквально весь город.

Доставили колокол в город на барже и, перегрузив на специально подготовленные дроги, повезли к храму. Везли колокол люди. Дроги шли по булыжной мостовой, их сильно мотало, и для того, чтобы направлять ход, в оглобли становились прославленные торопецкие силачи — купец Гладильщиков, мясник Поджаров, кузнец Сима Жук и многие другие.

Род купцов Гладильщиковых выделялся среди торопчан не только силой, но и умением вести торговые дела — это была одна из купеческих фамилий, которая, по выражению Долгорукова, верховодила оптовой торговлей уезда.

Относились торопчане к колоколам церковей с особой любовью. А звон колоколов с большими интервалами во время Великого поста, по воспоминаниям Харинского, действовал успокаивающе даже на детей.

Колокольня, по рассказам современников, была разрушена в конце 1930-х годов, о судьбе колоколов ничего неизвестно.

Не обнаружены в архивах и сведения, когда был закрыт Покровский храм, но со второй половины XX века в нем располагался магазин.

В 2001 году Покровскому храму исполнилось 225 лет со времени его освящения. Приобретен металл на ремонт кровли, но вот средств на реставрацию фасада и интерьера пока нет. Церковь ждет своего спасителя. И дай Бог, чтобы он появился.

Кириллова Т.М.

НАСЕЛЕНИЕ ТОРОПЦА И УЕЗДА В XVI-XXIII ВЕКАХ

После присоединения в 1503 году Торопецкой земли к Московскому государству был образован Торопецкий уезд. Он занимал меньше пространства, чем Торопецкая земля в XV веке: ее западные волости (Плавецкая, Жидецкая и Озерецкая) отошли к Великолуцкому уезду, а восточные (Рожна, Бибирево и восточная половина Старцевой) — к Бельскому. В новообразованном Торопецком уезде удерживалось прежнее деление на волости и перевары, сохранившие старинные названия.

В первой половине XVI века во главе Торопца и его уезда стояли наместники великого князя Московского, выбиравшиеся из знатнейших княжеских фамилий. Из них упоминаются: князь Михаил Михайлович Курбский (в 1522 году), князь Михаил Иванович Кубенский (в 1525 году) и князь Александр Ванбольский (в 1540 году).

Церкви, входившие в состав Торопецкой десятины, с начала XVI века подчинялись Московским митрополитам.

Изобилие рек и озер в уезде, дремучие леса и болота — все это способствовало формированию очень редкой сети поселений. Историк С.Б. Веселовский сравнивал такую местность с леопардовой шкурой, где лес служил фоном, заселенные территории — пятнами.

В XVI-XVIII веках Торопецкий уезд был по сравнению с соседними (Великолукским и Новоржевским) уездами самым малонаселенным.

Количество всех поселков в 1541 году доходило до 1655, число дворов составляло 2450, взрослое мужское население - 4600 человек. Население в уезде, по предположению историка И.И. Побойнина, в этот период составляло около 15000 душ обоего пола.

Рождаемость была высокая и превышала смертность, поэтому население в уезде заметно умножалось, увеличивалось и число новых деревень и починков.

Но опустошения, произведенные в 1580 году войсками Стефана Батория, оставили заметные следы. По приправочной перечневой книге Григория Колединского и Нечая Сорочнева 1584 года, оказалось «пустоты» около 4770 десятин.

Еще ужаснее было «литовское разорение» в Смутную эпоху, когда запустела значительная часть уезда. И.И. Побойнин в книге «Торопецкая старина» сообщает: «В 1628 году из Торопца доносили в Москву: «А ныне по рубежу пусто: по твоей государеве земле живущих деревень нет на 15 верст, и запустело де от войны литовских людей тому лет с двадцать; а которые де крестьяне по рубежу

жили, и те побиты, а ныне померли...».

В 1631 году в Торопецком уезде находилось: 4 села, 179 селец, 35 деревень, 14 починков, 12 выставок. Следовательно, из 1655 жилых мест, существовавших в 1541 году, осталась лишь одна третья часть — 564 поселка, а дворов — 895.

С уменьшением числа крестьян в этот период времени значительно умножалось число поместий и помещиков. С 43 поместий в 1541 году число их возросло в 1631 году до 193, и на каждую помещичью семью в среднем приходилось уже только по 7 семейств крестьянских. Общее число населения составляло всего около 5486 человек.

После 1631 года население Торопецкого уезда стало быстро возрастать и уже в 1678 году было весьма многочисленным, достигнув 22824 человек обоего пола. В дальнейшем за 200 лет оно увеличилось в 4 раза и в 1887 году составило 88948 человек. В 1541 году крестьяне Торопецкого уезда большею частью находились еще в прежнем независимом положении и, за исключением небольшого числа «людей», были лично свободны.

По-прежнему некоторые деревни назывались переварскими, а их обитатели переварскими крестьянами. Это была отжившая свой век старина, московским писцам не совсем понятная, поэтому они делали много ошибок.

В это время кроме крестьян, живших в черных волостях, в уезде жили крестьяне на поместных землях. Они обязаны были давать землевладельцу: 1) доход деньгами, 2) хлебный доход рожью, овсом и другими культурами, 3) мелкий доход баранами, полтями мяса, курами и т.д.

В конце XVII века, когда крепостное право достигло полного развития, положение торопецких крестьян не было таким тяжелым, как в других уездах Московского государства. В XVI и в XVII веках Торопецкий уезд представлял большой простор для земледелия, и оно было главнейшим занятием крестьянского населения.

В конце XVII века, несмотря на сильно умножившееся население, которое должно было увеличить число распаханых земель, значительная территория была занята лесом. Большим подспорьем хлебопашеству служили охота и рыбная ловля. Леса были богаты горностаем, волком, куницей, норкой, белкой, барсуком, медведем.

Меха, добытые охотниками, были главным товаром торопецких купцов. В реках и озерах попадались в большом количестве белая рыба: щука, сом, окунь, карась, судак. В Серёже, Вревице и Столопенке водились лососи и жемчужная раковина.

Торопец в XVI и XVII веках был расположен к северу от той местности, где в старину находился городской кремль, и разделялся в новое время на «город» и «посад». Собственно «город», имевший в окружности менее версты, находился на острове, окруженном озером Соломено и рекой Торопой.

Торопецкий посад уже в первой половине XVI века, как видно из писцовой книги 1540 года, занимал почти то же пространство, что и в XIX веке. Лучшая часть посада, «Старый острог», имела в окружности более полутора верст, к ней примыкала менее населенная часть посада, в которой находились стрелецкая, пушкарская и посадская слободы; весь посад, вместе с находившимся в ней слободами, имел в окружности менее трёх верст. К посаду с восточной стороны прилегал озеро Соломено, с южной — река Торопа.

Количество населения Торопца в 1540 году достигало 2400 человек, не считая боярских детей, живших большей частью в своих поместьях. Чума 1566 года и бедствия смутной эпохи значительно уменьшили число городских жителей. В 1619 году в Торопце проживало не более 1500 человек.

В 1630-е годы население города резко возросло за счет увеличения количества ратных и тяглых людей и в середине столетия доходило до 4000 душ обоего пола.

В 1666 году, вследствие временного увеличения числа торопецких стрельцов, оно достигало 4500 человек. Но затем, к концу XVII века, несмотря на постепенное умножение посадских людей, общее число городских жителей, вследствие сокращения стрельцов, едва ли превышало 4000.

С начала XVIII столетия торопецкое городское население уже постоянно умножалось. В 1887 году в городе проживало 6683 человека, из них 3061 — мужчины и 3632 женщины.

В 1540 году почти всё постоянное население Торопца состояло из людей, принадлежащих к

торгово-ремесленному классу. Вскоре в этом пограничном городе появился новый класс населения — стрельцы.

В начале XVII века нужды военного времени заставили довести их число до весьма высокой цифры, причем набирали их большей частью из посадских людей, число которых в то время и без того было незначительно. Тяглых посадских людей оставалось весьма небольшое количество, и городское население состояло преимущественно из ратных людей. Торопец готов был совсем превратиться в военное поселение. Однако после прекращения смуты и с наступлением более мирного времени все изменилось, и вскоре началось постепенное увеличение количества посадских людей, не прекращавшееся до самого конца XVII века. Наоборот, число торопецких стрельцов к концу столетия уменьшилось, притом службу свою в то время они несли большей частью вдали от своего города. Вследствие этого характер городской жизни и функции города изменились, и Торопец снова приобрел утраченные было им характер и значение пограничного торгового города.

Лиц, принадлежавших к белому и черному духовенству, в XVI и XVII веках в Торопце было довольно большое количество, так как в городе находилось не менее 12 церквей, два мужских и один женский монастыри.

Торопецкие дворяне и дети боярские не были постоянными жителями города. У многих торопецких и Холмских помещиков в городе и на посаде были дворы, в которых в мирное время жили их дворники. Но при вторжении неприятеля в Торопецкий или Холмский уезды они вместе со всеми своими семействами переселялись в Торопец и являлись главными защитниками его от врагов.

Городское население в XVI-XVII веках занималось земледелием и скотоводством, а также рыболовством. И.И. Побойнин в «Торопецкой старине» отмечает: «Торопецкие посадские люди в XVI-XVII веках держали для мяса и молока весьма значительное количество коров, овец и коз...», лошадей было меньше. Они принадлежали в основном ямщикам и землепашцам.

Обрабатывающая промышленность, издавна имевшаяся в городе, в это время не получила значительного развития. В Торопце существовали воскобойники, сырмятники, скорняки, овчинники, епанечники, шапочники, седельники.

Между торопецкими мастеровыми людьми в XVI веке по своей численности выделялись сапожники, кузнецы и серебряных дел мастера.

В XVII столетии начало развиваться кожевенное производство. В 1717 году насчитывалось уже 7 заводов. В этот период времени в Торопце существовали небольшие мельницы, винокурня, пивоварня, воскобойня и кузницы.

Во всяком уездном городе имелось небольшое число торговцев, которые были посредниками между уездными и городскими жителями в деле обмена продуктами их труда.

Торопец имел выгодное положение между Москвой и польско-литовским государством, поэтому выполнял посредническую функцию. Торопецкие купцы находились в весьма выгодных условиях, и торговля была весьма прибыльной.

Торговые люди разделялись на два разряда: одни торговали на местах, другие в отъезде. Торговля велась не только местными товарами, но и привозными. Торопецкие купцы вывозили за пределы уезда меха, рыбу, мясо, кожу, хлеб, изделия из льна и кожи. В Торопец везли соль, сахар, орехи, мед, яблоки, сукно.

В XVIII столетии Торопецкая торговля продолжала развиваться. Торопецкие купцы приобрели повсеместную известность и значительно расширили круг своих торговых операций. Не переставая посещать различные литовские и московские ярмарки, они торговали на Ирбитской ярмарке, на ярмарках в Санкт-Петербурге, Лейпциге, Данциге и даже в Китае. В XVIII веке, благодаря торговле, в Торопце появилось немало богатых. Они построили себе в городе двухэтажные дома красивой архитектуры и каменные кладовые для хранения товаров; некоторые из них на собственные средства построили церкви.

Многие архитектурные строения сохранились и до сегодняшнего дня и придают Торопцу самобытность и неповторимость. Пока Торопец был городом и порубежным и торговым, это положительно влияло на уровень жизни горожан, способствовало развитию торговли, особенно

заграничной. Хотя жизнь на рубеже враждующих государств была для торопчан неразрывно связана со многими тревогами и материальными потерями, однако порубежное положение давало важное торговое преимущество, и обеспечивало экономическое процветание. В конце XVIII столетия, после присоединения Белоруссии к Русскому государству, положение Торопца изменилось. Город уже не был порубежьем и не мог пользоваться выгодами своего прежнего привилегированного положения. Все торговые пути теперь проходили вдали от Торопца, и благосостояние его жителей стало снижаться.

В.А. Кудашкин

ТОРОПЕЦ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

На фоне такого события, как 925-летие Торогща, один год выглядит маленькой капелькой, но каждый русский человек понимает, что 1812 год для судьбы России в XIX в. был наиболее знаменательным.

925 лет — это не только сплошные войны, но и многолетние мирные периоды, и если брать конкретно город Торопец, то в глубокой древности это был, говоря современным языком, прифронтный город. Но постепенно, с расширением размеров государства, он переходил всё более в тыл и к началу XVIII века уже оказался в тылу и не представлял из себя такого пункта, который следовало бы укреплять, держать войска, постепенно перешёл на положение тыловой базы снабжения русской армии.

И вот прошёл столетний период — и в начале XIX века возникла угроза вторжения огромной наполеоновской армии в пределы Российской империи, и Россия с 1810 года стала готовиться к войне. Сражение с Наполеоном было неизбежно. Готовились обе стороны. И когда говорят, что Наполеон вероломно напал, это не так. Это была другая эпоха, когда государства могли разрешить какие-то проблемы только вооружённым путем.

Нужно было реально подходить к этому делу, и относительно города Торогща было принято решение создавать здесь резервный корпус, второй — в районе Мозыря, т. е. это должен быть решающий резерв тем армиям и корпусам, которые находились непосредственно на северо-западной границе. В районе Торопца создавались резервные пехотные и кавалерийские части численностью до нескольких тысяч человек. Это был один из передовых пунктов по сбору резервных войск. Затем, когда начались боевые действия, боевая обстановка изменилась настолько кардинально, что пришлось все формирования, которые создавались в районе Торопца, распределить по русским частям, которые понесли наибольшие потери. Командовал этим корпусом генерал-лейтенант Каменский, который затем возглавлял Петербургское ополчение, а военные события развивались так, что Наполеон после захвата Смоленска отказался идти на Петербург, на столицу, и стал преследовать русскую армию на московском направлении. Такое произошло впервые за время его правления: он обычно захватывал в первую очередь столицу вражеского государства.

После начала войны Манифестом от 6 июля (по старому стилю) 1812 года Александр I объявил о созыве внутреннего ополчения по трём округам. Первый округ — это, естественно, все губернии, прилегающие к театру боевых действий. Ближайшими оказались Смоленская, Тверская, Московская, Северная, Новгородская, Петербургская. Псковская губерния не объявлялась внутренним ополчением. Но когда начались военные действия, возникло стихийное желание как у крестьян, так и у дворян защитить свою территорию. И на территории Торопецкого уезда был создан отряд внутреннего ополчения, который был вооружён, как правило, крестьянским хозяйственным оружием — пики, косы, топоры, а из местного арсенала части ополченцев выдавали ружья. Это ополчение численностью около 2000 человек выступило к границе Торопецкого уезда и приготовилось отражать возможные атаки небольших отрядов противника. В это время, после захвата Смоленска, боевые действия приблизились к стенам Москвы. К этому времени вооружилось Тверское ополчение в количестве около 15000 человек. Но командование армии понимало, что ополчение недостаточно вооружено, и не выдвигало его в район боевых действий.

Оно продолжало вооружаться в Твери и в октябре выступило через город Белый на территорию Курляндии.

К этому времени, после Бородинского сражения, наполеоновские войска понесли такие колоссальные потери, что даже не могли удержать то, что они захватили, и дезорганизованная французская армия предприняла попытку отступления с небольшими потерями сначала к Смоленску, а в случае его потери — к границе империи по реке Неман. Но так как дезорганизация армии достигла катастрофических размеров, отряды мародёров покидали боевой строй и растекались по территориям различных уездов вдоль Смоленской дороги. На Торопецком направлении никаких крупных организованных отрядов противника не было. Отряды мародёров, как правило, в большинстве своём достигали не более нескольких сот человек и при организованной атаке любого, даже крестьянского, ополчения сразу разбивались и захватывались в плен. Наибольшие бои проходили в Сычёвском районе, на территории Бельского уезда, но до Торопца регулярные боевые действия с применением пехоты и артиллерии не дошли. Как только противник был отброшен за Неман и полностью разгромлен, Торопец превратился в передовую базу снабжения российских войск, которые перешли границу — Неман — и стали преследовать противника на территории Центральной и Западной Европы.

В Торопце возобновлялась мирная жизнь. Внутренние губернии снабжали армию, в первую очередь, продовольствием, амуницией и всем необходимым. Жизнь Торопецкого уезда, который входил в Псковскую губернию, перешла в мирное русло. В 1813 году Александр I объявил всему псковскому дворянству благодарность за то, что приняли участие в отражении супостата. О патриотизме местных жителей говорит следующий факт: Псковская губерния собрала пожертвование в 14352334 руб., не входя в те 16 губерний, где создавались боевые ополчения. Одного этого достаточно, чтобы показать, как русские люди отреагировали на бурные события 1812 года и какую посильную роль в этом сыграл город Торопец.

Н. С. Новиков

МУСОРГСКИЕ В ТОРОПЕЦКОМ УЕЗДЕ

/ из новых находок в архиве /

Когда я начал собирать материалы о Модесте Петровиче Мусоргском, мне посчастливилось познакомиться со многими известными певцами, музыкантами, исследователями творчества этого гениального композитора, а также с дальними его родственниками. Особым даром судьбы считаю встречи с внучатой племянницей композитора Татьяной Георгиевной Мусоргской. Как реликвию храню её письма, а их более пятидесяти, копию дневника, фотографии. В 1984 году Татьяна Георгиевна на 81 -м году скончалась и, к сожалению, не дождалась моей книги «У истоков великой музыки», вышедшей в «Лениздате», где ей посвящается отдельная глава. Есть там такие строки: «Оборвалась родовая нить, нет на земле больше человека с такой фамилией... исчезла последняя представительница славного рода». А вскоре из Ленинграда я получил письмо, в котором Галина Владимировна Касаткина сообщала, что является... внучатой племянницей композитора, а в Москве живет её родной брат Ростислав Владимирович Родзянко.

Эта фамилия и убедила меня в том, что действительно «обнаружились» родственники композитора. В Москве мы встретились с Ростиславом Владимировичем, и в семейном альбоме я увидел знакомую фотографию двоюродного брата композитора Андрея Фёдоровича Родзянко. История этой фотографии весьма любопытна.

Первый в мире музей Мусоргского создали на общественных началах его земляки — учителя и ученики Жижицкой школы. Собиратель первой экспозиции завуч Сергей Терентьевич Богданов поведал мне о том, что, когда о музее сообщили газеты, из Москвы пришло письмо с фотографией Родзянко. В то время эта фамилия считалась крамольной и была как бы под запретом. Однако добросовестный педагог сохранил фотографию и передал в открывшийся в Наумове государственный музей. Увы, письмо с адресом музейщики потеряли, и связующая нить оборвалась. Тщетно пытался я найти Родзянок, используя публикации в газетах. И вот теперь

увидел это фото в семейном альбоме Родзянко. Естественно, с «новыми» потомками композитора завязалась дружба, и я пригласил их в гости на родину Мусоргского.

Летом 1990 года вместе с Галиной Владимировной и Ростиславом Владимировичем мы побывали на земле их предков, встретились с потомками крестьян, которые принадлежали Мусоргским и Родзянко, записали их воспоминания.

Разыскания в архиве, встречи с местными жителями помогли выявить неизвестные биографической литературе места, где обитали родственники композитора. Выяснилось и то, как соединились Родзянко с Мусоргскими. Дед композитора Алексей Григорьевич Мусоргский, потомственный дворянин, чья родословная исходит, по преданию, от Рюрика, женился на своей крепостной Ирине Георгиевне Ивановой. Об этой «романтической» истории написано много, но, в основном, всё это чистый вымысел, и только находки в архиве помогли установить истину. Алексей Григорьевич, выйдя в отставку, поселился в сельце Кареве и завёл роман с «дворовой девкой», которая была почти вдвое младше его. Когда родился ребёнок, наречённый Петром, — отец будущего композитора, — помещик решил прикрыть свой грех и выдал Ирину за своего крепостного. От этого брака родился второй сын Авраам, а вскоре законный муж умер, и барин сблизился с Ириной. У неё родились две дочери — Олимпиада и Надежда.

Шли годы, Алексей Григорьевич старел и, видимо, сознавал, что другую, «благородную», семью ему уже не завести, решил узаконить положение детей и Ирины Георгиевны. После венчания Пётр, Олимпиада и Надежда стали носить фамилию Мусоргские. Вскоре Олимпиада Алексеевна Мусоргская вышла замуж за вдовца с тремя детьми, дворянина, кавалера Фёдора Степановича Родзянко. От второго брака родилось ещё семеро детей: Александра, Андрей, Любовь, Фёдор, Елизавета, Надежда и самая младшая, названная в честь матери — Олимпиада. Семья Родзянко жила в Торопецком уезде в селе Архангельском, приписанном к погосту Шейно.

Олимпиада получила в приданое имение Першино в Великолукском уезде с дворовыми и крестьянами, а ещё, как записано, движимого и недвижимого: «в святых иконах, деньгах, серебре столовом и чайном, разных вещах, посуды и белья, платье и мебели, также хлебе и скоте».

Из документов архива открылось, что муж Олимпиады Алексеевны не был коренным жителем этого сельца, а поселился здесь в имении первой жены. Сельцо Архангельское до этого принадлежало помещику, статскому советнику Павлу Матвеевичу Кофтыреву. Оказалось, что муж родной тетушки Мусоргского Фёдор Степанович Родзянко, майор в отставке и кавалер разных орденов, приехал в Торопецкий уезд из Харьковской губернии, из города Славянска. Привёз он с собой с Украины крепостных крестьян, доставшихся ему по наследству от отца, Степана Ивановича Родзянко. Этот род известен в военной истории России, Один из дальних предков — Стефан Родзянко — за подвиги в Полтавском сражении получил из рук Петра I седло, чеканенное золотом, на передней луке которого герб рода Родзянко. Фотография с изображением этого седла хранится теперь у потомков. Династию защитников Отечества продолжили дети и внуки Фёдора Степановича Родзянко — мужа тётюшки композитора. Его внук Владимир Андреевич — отец правнучатых племянников композитора Гадины Владимировны Касаткиной и Ростислава Владимировича Родзянко. После революции потомки рода Родзянко и Мусоргских не уехали за границу и претерпели все гонения, выпавшие дворянам. И всё-таки они преодолели все невзгоды, сохранили честь и достоинство своего рода, верой и правдой служили Отечеству.

Ныне живущие 34 потомка Мусоргских-Родзянко продолжают добрые традиции своих предков. Среди них люди разных профессий, есть профессиональные музыканты, литераторы, художники. Дочь Галины Владимировны Касаткиной, Надежда, — художник-реставратор Русского музея, участница российских и зарубежных выставок. Галина Владимировна до пенсии работала в Ленинградской военно-медицинской академии, в том здании, где умер Мусоргский. Теперь она занимается краеведением, ведёт родословную предков.

На территории Торопецкого района находится еще одно памятное место, важное для нашей темы, — погост Добшо, к которому приписано сельцо Семеново. Здесь провела последние годы жизни бабушка композитора Ирина Георгиевна Мусоргская, отсюда она неоднократно приезжала в Карево, была крёстной матерью Модеста — будущего гениального композитора. Мусоргский о своей бабушке написал: «Соединение крепостной с аристократом помещиком... на благо

россиянам». И действительно, брак потомственного дворянина с крепостной крестьянкой сказался на милосердном отношении родителей композитора к крепостным и дворовым. Модест с раннего детства общался с крестьянскими детьми, их родителями, и это сказалось на его творчестве. В погосте Добшо до наших дней сохранилась полуразрушенная церковь, а сельцо Семенцово исчезло, как и многие дворянские усадьбы. Документы архива показывают, что предки бабушки композитора Ивановы — крестьяне и были долгожителями. Но, увы, потомки этого могучего крестьянского рода пострадали в период раскулачивания, были высланы из родных мест.

Родственники Мусоргского по линии матери, Юлии Ивановны Чириковой, жили также в Торопецком уезде — в сельце Гогино погоста Бончарово. А в сельце Русанове жила бабушка композитора по материнской линии Марфа Александровна Арбузова.

Торопецкий краевед, бывший директор музея Павел Григорьевич Новиков считал, что у родителей Мусоргского был дом в Торопце, на улице вблизи Корсунско-Богородицкого собора. Эту версию подтверждает запись в метрической книге за 1865 год, где указывается, что здесь отпевали мать композитора Юлию Ивановну Мусоргскую. В числе священнослужителей был двоюродный брат патриарха Тихона Иван Григорьевич Беллавин.

Торопецкая земля славится своей историей и памятными местами, связанными с именем гениального Мусоргского.

А. И. Сизов

СУДЬБА КРАЕВЕДА

С торопецко-великолукским краем воедино связаны судьбы многих дающихся деятелей отечественной науки, культуры, искусства. Однако многие значительные имена только сейчас возвращаются из небытия. Достойное место в этом ряду занимает имя Дмитрия Григорьевича Карчевского — активного общественного деятеля и краеведа, садовода и арендатора, владельца театра и страстного фотолюбителя.

Расширение информационной базы государственных и ведомственных архивов, связанное с рассекречиванием архивных документов 1920-х — 1930-х годов, и последовавшая за этим переписка с различными учреждениями позволила в значительной полноте приоткрыть жизненную трагедию уроженца торопецкой земли Д.Г Карчевского, ставшего невинной жертвой политических репрессий советского времени.

История появления Карчевских в Торопском крае ещё не выяснена до конца. Согласно автобиографических документов, составленных Д.Г Карчевским собственноручно в период лишения его избирательных прав и последовавшего за ним ареста, дед и отец Дмитрия Григорьевича являлись крепостными дворовыми помещиков Азанчевских в селе Калдобино /у самого Д. Г Карчевского названо Кадолбино — А. С/ Невельского уезда Витебской губернии /в настоящее время входит в состав Урицкого сельского округа Великолукского района Псковской области — А. С./ Как наиболее одаренных и практичных в деле ведения дворового хозяйства Азанчевские направили их обучаться садовому искусству во Францию, что во многом предопределило будущее рода Карчевских.

Григорий Фёдорович Карчевский ещё до отмены крепостного права получил вольную от своих господ, что позволило ему активно заняться предпринимательской деятельностью. На этом поприще бывший дворовый достигает больших успехов — хозяйственные операции приносят ему значительные денежные доходы. Накопив достаточный капитал, он вступает в купеческое сословие. Умелое и рачительное ведение своего хозяйства ГФ. Карчевским не проходило бесследно для окружающих, и потому даже крупные землевладельцы приглашали его в свои имения в качестве управляющего. Так, в середине 1860-х годов он удачно исполняет обязанности управляющего у известной великолукско-торопецкой помещицы Д.Н. Ратмановой.

Одновременно ГФ. Карчевский проявляет стремление к приобретению земель в своё частное владение и находит их в Баранецко-Озерецкой волости Торопецкого уезда, где покупает имение

Сергиевское с окружающими землями у дворян Рокотовых. Таким образом, семья Карчевских прочно обосновалась в Торопецком крае. Как очень деловой и жизненно активный человек, обладающий богатым хозяйственным опытом, глава семьи сразу же занялся обустройством своих владений, активно внедряя самые передовые агротехнические методы и приёмы обработки земли. С целью распространения грамотности и начальных знаний среди крестьянских детей Г.Ф. Карчевский в 1879 году в собственном доме и на свои средства открывает в селе Рокотово школу, которая с течением времени преобразовалась в Сергиевское двухклассное министерское училище с пятью отделениями. На 1 января 1915 года в нём обучались 72 крестьянских мальчика и 32 девочки, а преподавание основ знаний осуществляли 3 учителя и священник.

В Сергиевском /Фелистово тож — *А. С.*/ 27 мая /по некоторым источникам, 1 июня — *АС.*/ 1870 года родился Дмитрий Григорьевич Карчевский, которому суждено было не только успешно продолжать дело отца, но и сыграть огромную преобразующую роль во многих направлениях общественно-хозяйственной жизни великолукско-торопецкого края конца XIX — начала XX столетия.

Детство Д.Г. Карчевского, судя по его автобиографии, составленной во время следствия, оказалось нелёгким. Оно было омрачено ранней смертью матери, происходившей из польских дворянок. С полугодового возраста он воспитывается простой деревенской женщиной, а позднее — священником Троицкой церкви погоста Озерец Торопецкого уезда, что, несомненно, наложило отпечаток на характер юного Карчевского.

В 9 лет Д.Г. Карчевский поступил в только что открытое в селении Рокотово на средства отца Сергиевское сельское училище. После получения первоначальных азов знаний его определяют в Великолукское реальное училище, которое он заканчивает в 1888 году по первому разряду. После этого Дмитрий возвращается на родину, в Сергиевское-Фелистово-Рокотово, и живёт при отце. При этом он активно и плодотворно занимается сельским хозяйством, прежде всего, проводит опытническую работу в саду. Там и начала проявляться у него страсть к занятиям с кустарниками и деревьями.

В 1892 году Д.Г. Карчевский женится. И хотя жених он был завидный: молод, богат, образован, — любой купец или дворянин выдал бы за него свою дочь и дал бы к тому же и хорошее приданое, — но Дмитрий Григорьевич женился не по купечески, не на доходных домах и капиталах, а на бесприданнице, на бедной девушке Александре Александровне Пруденской, мать которой была вдовой попадьей и жила при монастырской церкви Вознесения в Великих Луках в числе сиротствующих. После женитьбы Д.Г. Карчевский отделяется от хозяйства отца, однако в результате последовавшей вскоре его кончины Дмитрий Григорьевич становится владельцем большого имения Фелистово-Сергиевское в Торопецком уезде. Вся его последующая жизнь, в основном, оказывается связанной с Великими Луками.

Ещё в десятилетнем возрасте, в период обучения в Великолукском реальном училище и жизни в Сергиевском, его усиленно стала привлекать общественная деятельность, и прежде всего — занятия краеведением. По этому поводу в автобиографии Д.Г. Карчевского записано: «Краеведческими работами начал заниматься с 1881 года, когда, живя при училище вплоть до 1888 года, вёл имеющиеся там метеорологические наблюдения и все сведения отправлял в главную метеорологическую станцию Петербурга».

Страсть к собиранию появилась с тех пор, как им была найдена во дворе училища остзейская серебряная монета XI столетия.

На родине — в бору и около озера — было много курганов, в которых, по словам местных крестьян, находили разные вещи, и в 1881 году, не говоря дома ничего, мальчик копался в этих курганах, но кроме костей да битых черепков ничего не находил. Крестьяне же, разрывая большой курган, находили разные медные и бронзовые вещи, которые отдавали детям на игрушки. Ничего из этих вещей не удалось после найти, кроме нескольких монет греческого (?) происхождения.

До 1892 года занимался также собиранием насекомых и гербария, с 1882 года стал коллекционером и бытописателем, а с 1898 года и фотографом. С занятием фотографией Д.Г. Карчевский не расставался до последней возможности. Фотография стала его жизненной страстью. Он непрестанно ходил с фотоаппаратом и по сельским просторам Торопецкой земли, и

по городским улицам Великих Лук, фотографируя всё, что представляло какой-то интерес: работу в поле и деревенские пейзажи, виды города и отдельных зданий, улицы и бытовые сценки.

Чудом, несмотря на различные катаклизмы, революции, войны, пожары, до нас дошло более 200 фотоснимков начала XX столетия, исполненных Карчевским, которые сейчас хранятся в Великолукском краеведческом музее.

И если целенаправленное высококвалифицированное увлечение Д.Г. Карчевского фотографией благодаря этому известно нашим современникам, то другие направления его обширных краеведческих познаний остаются совершенно неисследованными. А ведь ещё в своем заявлении в Великолукскую избирательную комиссию 30 сентября 1929 года Карчевский писал: «С 1888 года/стал увлекаться краеведением в связи с пчеловодством, садоводством и огородничеством. До революции участвовал чуть ли не всех пчеловодных журналах, посылая туда научные статьи. Многие из них были изданы отдельными брошюрами».

В послеоктябрьское время Д.Г. Карчевский стал одним из организаторов и руководителей Великолукского краеведческого общества. Особое внимание он уделял работе с детьми, еженедельно читал доклады перед членами общества юных краеведов. Часто со своими историко-краеведческими исследованиями выступал на страницах уездно-окружной газеты «Наш путь».

На протяжении всей жизни Д.Г. Карчевский демонстрировал удивительную работоспособность как на краеведческом поприще, так и в хозяйственном отношении.

В 1892 году он учредил Великолукское отделение Императорского общества садоводства и до конца его существования (1917 год) оставался членом правления общества. Зная отлично садовое дело и используя практические навыки, полученные в Сергиевском-Фелистово, Дмитрий Григорьевич создал в городе прекрасный питомник плодовых и декоративных деревьев и кустов. А на собственном земельном участке занимался научным садоводством и огородничеством.

Обладая значительным недвижимым имуществом, доставшимся ему в наследство от отца и брата Сергея, умершего 19 февраля 1909 года, он старался всецело их использовать с пользой для дела. Первые этажи принадлежащих ему домов Д.Г. Карчевский, как правило, сдавал в аренду под лавки и магазины, а вторые — квартирантам и под гостиницу. На июль 1914 года его имущественный ценз оценивался в 9413 рублей, в то же время Карчевский часто и сам организовывал в собственных домах торговые предприятия по продаже золотых и серебряных вещей и фотографических принадлежностей.

Активность Д.Г. Карчевского не знала границ. Сохранившиеся подлинные документы в его уголовном деле проливают дополнительный свет на общественную деятельность нашего земляка. В частности, уцелевшая театральная программа от 28 декабря 1907 года показывает, что Д.Г. Карчевский стоял у истоков великолукского театра, являясь его меценатом. В течение длительного времени он являлся председателем уездного сиротского суда. Сохранившееся удостоверение о праве Карчевского находиться на 13-ом заседании Государственной думы в 1908 году в ложе господина Председателя Совета Министров, место 61, свидетельствует о признании его особого авторитета в высших государственных властных структурах.

И после революции с самыми добрыми намерениями Карчевский пытался активно включиться в новую жизнь. Он не бежал за границу в 1918 году, как это сделали многие из проживавших рядом крупных помещиков. Вероятно, он, как выходец из крестьянских низов, сохранил и крестьянский взгляд на революцию, признав её своей. И действительно, после национализации всей его недвижимости и капиталов он уравнился с основной массой людей, не озлобился и с открытой душой пошел навстречу новому и неизвестному.

Свой богатый практический опыт работы на земле он безвозмездно передавал юному поколению, работая в качестве инструктора уездного отдела народного образования по огородничеству.

В 1921—1923 годах Д.Г. Карчевский участвовал на специальных выставках в Москве, где был удостоен диплома 1 степени. На Великолукской уездно-городской сельскохозяйственной выставке в 1922 году он получил специальный приз — плуг и диплом за выведение новых сортов картофеля и главный диплом выставки за успехи в пчеловодстве.

Эти достижения земледельца вызывают уважение уже тем, что новая местная власть отнюдь не

способствовала его научно-практической деятельности. Так, несмотря на его убедительную просьбу в июле 1919 года увеличить земельный надел для проведения опытнической работы, губземотдел ответил отказом.

В 1925—1926 годах Д.Г. Карчевского назначают инструктором садоводства и огородничества уездного земельного управления, избирают членом Великолукского горсовета, членом бюро Великолукского отделения краеведения.

Однако разнообразная общественная деятельность Карчевского на общенародное благо не была оценена. Наоборот, активная жизненная позиция, инициативность, выступления с критикой деятельности местных властей, высказывание собственного мнения не только не находило понимания, но и вызывало чувство раздражения у новых властей.

Ему сразу припомнили всё: и то, что он был купцом и помещиком, и то, что сочинял сатирические пьесы и стихи, и то, что говорил о необходимости развивать в колхозах нашей зоны молочное производство, а не зерновое, так как земля слишком бедная, и так далее.

Как в таких случаях и происходило повсеместно, вначале Д.Г. Карчевского лишают избирательских прав. Он тут же в соответствии с законом обращается с просьбой об их восстановлении. Увы, времена настали другие — он объявлен классовым врагом.

Никакие увещевания и доводы Карчевского не могли убедить государственный аппарат в неправомерности таких действий. Советские чиновники упорно искали «компромат» на независимого человека.

10 октября 1929 года административный отдел Великолукского окрисполкома секретным письмом просит начальника окружного ОГПУ дать заключение по заявлению Карчевского, на что 12 октября ОГПУ без всяких оснований сообщает о политической неблагонадежности заявителя. Развязка наступила 28 ноября, когда сотруднику Великолукского ОГПУ выдается подписанный ордер для производства обыска и ареста Д.Г. Карчевского. И уже на следующий день его арестовывают на собственной квартире.

Постановлением от 12 декабря Карчевскому предъявляется стандартное обвинение в «агитации против Советской власти и её мероприятий в форме препятствия проведению колхозного строительства, распространению провокационных слухов о войне, скором падении Советской власти и угрозе расправой рабочим при перемене власти», т. е. в преступлениях, предусмотренных в тот период статьёй 58, п. 10-13 УК РСФСР. По постановлению тройки ППОГПУ по Западной /ныне Смоленской — А. С./ области от 4 марта 1930 года Д.Г. Карчевский был осуждён к 3 годам лишения свободы. Для отбывания наказания 60-летний Карчевский был направлен 27 апреля 1930 года первоначально в пересыльный лагерь в город Кемь (Карелия), а затем этапом — на Соловки. Так честная, благородная жизнь Д. Г. Карчевского, его неутомимая общественная деятельность на народное благо обернулась для него обвинением в контрреволюционной пропаганде и жизненной трагедией — заключением в ГУЛАГ, откуда дороги домой уже не было.

Последующая трагическая судьба невинного человека, по-видимому, навсегда останется тайной.

По сообщению Информационного Центра УВД Архангельской области за №18/687 от 8 февраля 1999 года. Д.Г. Карчевский умер 30 сентября 1933 года, однако место смерти и захоронения неизвестно.

Возможно, прах нашего земляка покоится на вятской земле, так как дата смерти Карчевского /насколько она верна, доказать сейчас невозможно — А. С./ в алфавитной карточке осуждённого в ИЦ УВД Архангельской области указана на основании сообщения Подосиновского РО Кировской области. Увы, УВД Кировской области дать какие-либо разъяснения по данной ситуации не смогло из-за отсутствия запрашиваемых сведений.

Ровно через 60 лет после ареста, 29 ноября 1989 года, в соответствии со статьёй 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40 и начала 50-х годов» Карчевский Дмитрий Григорьевич был реабилитирован.

На землях, некогда принадлежащих Карчевским при селе Рокотово, сразу после революции был создан одноименный совхоз, а позднее, в 1926 году, земледельческая трудовая артель «Труженик». По-видимому, и сейчас в Рокотове проживает потомки тружеников одного из первых

на Торопецкой земле коллективных хозяйств.

Пискунов Б.А.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ И РАЗМЕЩЕНИЕ ПОЛКОВ РУССКОЙ АРМИИ В XVIII И В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА В ГОРОДЕ ТОРОПЦЕ

Город Торопец к началу XVIII века потерял значение крепости на западных рубежах России. Окружавшая его деревянная стена протяженностью в 461 сажень (978 метра), с двумя проезжими и шестью глухими башнями, к 1710 году развалилась, и укрепление больше не восстанавливалось. (В городе Великие Луки, отстоявшем в то время на 20 верст от польской границы, деревянная стена, окружавшая город, протяженностью 528 сажень, с двумя проезжими и девятью глухими башнями, сгорела. Вместо нее в 1708 году построили земляные укрепления с пятью бастионами, на которых установили 13 медных и 30 чугунных пушек, 2 мортиры. Гарнизон города состоял из 664 человек пехоты и 41 человека артиллерийской команды).

В Торопце не содержался постоянный гарнизон, в городе и уезде квартировали полки пехоты и кавалерии. Войны, которые вела Россия в XVIII веке с Турцией, Пруссией, Швецией, заставляли постоянно перемещать полки армии с южных рубежей на северо-западные и наоборот. Полки не задерживались на квартирах в одном месте на длительный срок. В городе Торопце и уезде, сменяя друг друга, стояли на квартирах Ингерманландский драгунский, Нарвский конно-гренадерский, Каргопольский драгунский и несколько пехотных полков.

Нарвский драгунский полк, переформированный в 1755 году в конно-гренадерский, отличился в войне с Пруссией. В сражении при Гросс-Егерсдорфе, действуя на левом фланге армии, он опрокинул и разбил бросившийся на него полк прусский гусар и пять эскадронов драгун. В 1758 году три эскадрона, в состав которых отобрали лучших людей и лошадей полка, оставили на театре военных действий, остальные три отправили в назначенное полку место стоянки — город Торопец. Отсюда шло пополнение сражавшимся в Пруссии, Силезии, Бранденбурге и Померании эскадронам, принявшим участие во взятии Берлина.

В 1763 году они вернулись в Торопец, где полк был переформирован в карабинерный.

(Конно-гренадеры носили на широкой перевязи гренадерские сумы, где хранились небольшие гранаты, которые они бросали в бою. У карабинеров их не стало, отменили и высокие медные гренадерские шапки, осталось оружие: небольшой карабин, палаш и пара пистолетов).

В 1768 году полк ушел воевать в Польшу против конфедератов. Его место заняли, сменяя друг друга, другие полки.

Имея противниками в войнах XVIII века Швецию, Пруссию или Турцию, русская армия имела достаточное количество полков пехоты и кавалерии для достижения победы. Положение изменилось, когда противником в войне стала наполеоновская Франция, подчинившая себе одно за другим государства Европы. Россия была вынуждена увеличивать численность армии. В 1803 году было сформировано вновь 6 драгунских и 7 мушкетерских (пехотных) полков, в 1805 — еще 2 драгунских и 7 мушкетёрский. В последующие годы продолжалось формирование новых полков пехоты и кавалерии. В 1806 году полковником Шепелевым в городе Торопце был сформирован гусарский полк в составе 10 эскадронов. Для этого из уже существующих гусарских полков выделили 5 эскадронов, дополнив их рекрутами. Полк назвали Гродненский гусарский. Один эскадрон из Сумского гусарского полка привез в Торопец его командир майор Кульнев. Полк выступил в поход в январе 1807 года, сражался с французами при Прейсиш-Эйлау, под Фридлиндом. В войне со Швецией отличился в боях на территории Финляндии, участвовал в переходе через замерший Ботнический залив в Швецию. В этих боях особенно отличился майор Кульнев, ставший командиром полка.

В Отечественную войну 1812 года полк в составе корпуса Виттенштейна сражался под Клястицами, Полоцком, когда было оставлено продвижение французов на Ригу, Псков, Санкт-Петербург. В этих боях погиб Кульнев. В 1824 году полк был назван Клястицким гусарским, позднее стал 6-м гусарским Клястицким генерала Кульнева. Для пополнения армии и

формирования новых полков требовались люди. Российская армия, начиная с 1705 года, комплектовалась рекрутами, которые собирались сначала с определенного количества крестьянских, посадских, бобыльских дворов (в 1705 году 2 рекрута с 20 дворов), позднее, после проведения в 1722 году переписи всего податного населения России (ревизии), с определенного количества мужчин (ревизорских душ).

Поставщики приводили рекрут в города, откуда их партиями отправляли в войска, где распределяли по полкам. Город Торопец был таким сборным пунктом для восточной части Псковской губернии. В полках рекруты, пройдя обучение, становились профессиональными солдатами, ибо их служба сначала была бессрочной, позднее ее ограничили 25-ю годами. Когда рекруты поступали в небольшом количестве, на пополнение убыли, это мало сказывалось на боеспособности полка. Положение изменилось после 1800 года. В 1800-1801 годах набора рекрут не было. С 1803 года наборы стали проводить регулярно, увеличивая количество призванных из года в год: 1803 год — 2 рекрута с 500 ревизорских душ, 1805 год — 4 рекрута с 500 душ (брали рекрутом при росте не менее 2 аршина 4 вершка, т.е. около 150 см), 1806 год — 4 рекрута с 500 душ, а в дополнительный набор еще 1 рекрута с 500 душ, требование к росту снизилось до 2 аршин 3 вершков (около 145 см), возраст призываемого подняли до 36 лет. Теперь формируемые полки состояли больше, чем на половину из рекрут.

Было решено обучать рекрут перед отправкой их в полки. Для этих целей в губерниях России были созданы Запасные рекрутские депо, где рекрут собирали после набора, давали им предварительно подготовку к несению военной службы и уже после этого направляли в войска. Обучение длилось 9 месяцев и больше, но не меньше 8. Создавалось одно депо на дивизию, в каждом из них обучалось не менее 2300 человек. От дивизии для обучения рекрут в депо выделялась команда из 6 обер-офицеров, 24 унтер-офицеров и 240 рядовых, кроме того 3 барабанщика, 3 цирюльника, 3 лазаретных служителя. Депо имело лазарет на 50 человек. Во главе депо стоял штаб-офицер. Рекруты в депо были разделены на 6 рот, каждая из них на 4 доли или капральства. При уходе рекрут партиями в полки роты и капральства сокращались, с тем, чтобы всегда они имели полный комплект. К командиру депо был прикомандирован адъютант из офицеров инвалидной роты, из этой же роты один обер-офицер, один унтер-офицер и 10 рядовых при уходе рекрут в полки, до прибытия следующей партии, несли караульную службу у складов и лазарета.

Из обучающихся во 2-м кадетском корпусе при выпуске их в офицеры ежегодно по 6 человек направляли вместо полка в каждое депо.

В январе 1809 года действовало уже 29 Запасных рекрутских депо, одно из них — в городе Торопце. Рекруты депо на зимних квартирах размещались в городе и селениях уезда, с 1 июня по 15 июля все собирались в лагерь. По окончании обучения в каждом депо сначала отбирали рекрут в полки гвардии и отправляли их в Санкт-Петербург, затем 1 октября уходила первая партия. Через каждые трое суток остальные отправлялись в сборные места дивизии — сначала 6 рот пехотных, потом кавалерийские.

В сборном месте командир дивизии распределял рекрут по полкам. С момента движения со сборного места в свой полк рекрут считался уже рядовым (первое воинское звание нижнего чина армии). До этого времени он получал питание от населения тех мест, где стоял на квартире, теперь от провиантского департамента армии — жалованье полковое, а не рекрутское. Запасное рекрутское депо в городе Торопце готовило пополнение для полков 3-й дивизии. Во время набора 1809 года 1157 рекрут Псковской губернии были направлены на сборные пункты в городах Порхове, Новоржеве и Торопце, откуда в Запасные рекрутские депо городов Холма и Торопца, в эти же депо отправили рекрут из город Ревеля (Таллинна) — 379 человек. Из Симбирской губернии, со сборных пунктов городов Самара, Ардатов, Сызрань — 4031 человек в депо городов Торопец, Холм, Новомиргород, Новгород Северский. Из Виленской губернии (Литва), а именно из Ошмян, Шавли (Шауляй), Вязры — 3132 рекрута в депо городов Глухов, Торопец, Холм.

Из этого количества, после обучения в Торопецком депо, на сборное место 3-й дивизии в город Борисов были направлены 1911 рекрут в пехоту и 351 в кавалерию.

При наборе в сентябре 1810 года рекруты Тверской губернии, собранные в Осташкове (981 человек), были направлены в депо города Торопца. Рекруты Витебской губернии, собранные в

городе Велиже (1100 человек), — в Торопец, собранные в городе Себеже (959 человек) — в Холм. В 1811 году стало ясно, что Наполеон готовит Великую армию для вторжения в Россию. Россия готовилась дать отпор, был увеличен набор рекрут. В марте число Западные рекрутских депо было увеличено. Дополнительно при гарнизонных внутренних батальонах были организованы Запасные рекрутские депо 2-й линии, в том числе в городах Твери и Новгороде.

Теперь 3-я дивизия получила рекрут из города Вязьмы, а из Торопецкого депо они шли в 4-ю дивизию. В январе 1812 года из Торопецкого депо ушло в полки 4-й дивизии 4117 рекрут, из них 3017 в пехоту и 600 в кавалерию, 500 человек в Псковское артиллерийское депо. В артиллерийские депо с 1811 года направлялись не из губернии, а из Запасных рекрутских депо, ибо служить в артиллерии отбирались рекруты ростом не ниже 2 аршин 6 вершков (около 160 см), но при крепком телосложении допускалось не ниже 2 аршин 5 вершков.

С начала войны 1812 года рекруты из депо ушли в войска. Холмское и Торопецкое депо сформировали пехотный батальон, 4 кавалерийских эскадрона дали Старорусское, Холмское, Торопецкое, Ельницкое и Рославльское депо. В конце 1812 года ушли в войска и остальные рекруты, депо прекратили существование и больше не возобновлялись.

Литература:

Щепетильников В.В. Комплектование войск в царствование Александра I. Санкт-Петербург, 1902.

Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977.

Цихановский. История 18-го драгунского Клястицкого полка. Варшава, 1881

Ю.Г. Попов

МУСОРГСКИЙ В ТОРОПЦЕ

В рукописном отделе Российской национальной библиотеки существует фонд композитора, нашего земляка, Модеста Петровича Мусоргского. Здесь собраны не только его письма, но и конверты, в которых странствовали корреспонденции музыканта.

С трепетом держу в руках небольшой плотный пакет с адресом: «В г. Пятигорск. Доктору Смирнову. Прошу передать Милию Алексеевичу Балакиреву». На обороте красуется чёткий прямоугольный штемпель местной конторы: Торопец, 16 июня 1863, Не указан обратный адрес, что позволило сегодня бы установить место жительства матери композитора Юлии Ивановны Чириковой, по мужу Мусоргской. Не представляю, чтобы сохранилось здание почты той поры, которой руководил почтмейстер надворный советник С.В. Пчицкий с помощником Р.И. Ольшевским. Торопец тогда принимал корреспонденции во все пункты России. Доставка шла в двух направлениях, через Великие Луки и Холм, два раза в неделю.

Именно в 1863—1864 годах в Торопец Псковской губернии статистическим комитетом был направлен для сбора сведений гвардии подпоручик М.И. Семевский, автор переизданной в 1999 году книги «Торопец. Уездный город Псковской губернии», в которой зафиксированы самые разнообразные сведения о городе образца 1863 года.

Как же выглядел уездный Торопец в период посещения его М. П. Мусоргским? Население — 5477 человек. Из них: духовенства — 340, дворян — 390, купцов — 426, мещан — 3019, потомственных почётных граждан — 38 и т. д. Штат регулярных войск — 122 человека, иностранных подданных — 2. Число общественных и жилых домов — 1047 единиц, из них каменных — только 144, Торопчане содержали 380 лошадей, 714 голов крупного рогатого скота, 148 свиней и 85 коз. Отмечено в городе 18 каменных церквей, деревянная часовня, монастырь и 6 лавок по торговле церковными принадлежностями.

Число грамотных в Торопце составляло 1945 человек. Один грамотный приходился на 2,8 жителя. Число учебных заведений достигало 5: уездное училище министерства народного просвещения, духовное училище, школа, приходское училище и детский приют св. Ольги. Обучалось 366 человек. Преподавателей указано 20 человек.

Мать композитора Юлия Ивановна в последние годы своей жизни (1862—1865) тяжело болела. Модест Петрович, без сомнения, знал торопецких врачей. Их было двое; в городской

больнице практиковал П.А. Ламберти, в уезде — К.А. Потехин. Имелась в городе и аптека. Больные и обездоленные обращались в странноприютный дом Нефедьева и богадельню купца Солодова. Роды принимала повивальная бабка П.И. Тулубьева.

В одном из своих писем к Ц.А. Кюи Модест Петрович дал своеобразную характеристику высшему свету Торопца. «И что здесь у нас за помещики! Что за плантаторы! Обрадовались заведённому в городе клубу и чуть ли не каждый день собираются туда пошуметь. Дело доходит всякий раз чуть не до драки, хоть полицию зови. И все это происходит в дворянском собрании, и с этими господами встречаешься каждый день, каждый день они вас слезливо мучат утраченными правами, крайним разорением... вопли, стоны и скандалы! Позволены дворянам собрания — они и собираются, позволено им ратовать о своих делах и делах земства — они и ратуют, да ещё как, с кулаками и крепкими словами...»

Кого конкретно имел в виду М.П. Мусоргский, не узнать. Однако совершенно точно можно назвать ряд чиновников, с которыми композитор был знаком и поддерживал в Торопце близкие отношения. Директором попечительского комитета о тюрьмах был полковник в отставке князь К.Я. Шаховской, дальний родственник Мусоргских. Модест Петрович гостил у князя в имении Боброве. После смерти матери композитор обращался по делам наследства в земский суд к исправнику Л.И. Хмельёву, становым приставам И.Н. Соловскому и А.Г. Голубеву, секретарю П.П. Телеховскому.

Любопытно взглянуть на состав городской Думы. В её рядах умудренные жизненным опытом люди: купцы и мещане, обладающие достаточно солидным капиталом. Городским головой был купеческий сын В.А. Рудин. Ему помогали Н.Н. Палкин, Е.В. Михеев, А.М. Аксенов, Д.И. Карзов, А.Н. Вязмитинов, П.С. Побойнин, И.Ф. Абаканов, И.В. Фокин и другие. Они чётко следили за процессами торговли и предпринимательства. Мастеров-ремесленников было 189 человек, рабочих и учеников при них 322 человека. По специальностям распределение шло так: доминировали кожевники, за ними печники, кузнецы, мясники, булочники, хлебопеки,

В 1863 году в Торопце зарегистрировался один бондарь, два трубочиста, три живописца и три маляра. Более всего было развито кожевенное предпринимательство на 14 заводах и свечное дело в трёх сараях.

С производством алкогольной продукции сложилась следующая ситуация. Винокуренные заводы располагались не в городе, а в пригородных сёлах: Высоковском, Знаменском, Михайловском, Нишевицах, Пожне, Пятницком, Хотилицах. Торопец же имел пивоваренный завод, штофную лавку, оптовый склад вина, трактир, буфет в клубе, 25 питейных домов и 30 постоянных дворов. За правилами торговли такой продукцией следил «винный» пристав Я.П. Райков. За акцизно-питейные сборы отвечал титулярный советник К.Д. Королько.

В Торопецком уезде мировым посредником трудился ещё один родственник Мусоргских — штабс-капитан А.Н. Чириков. В различных уездных учреждениях состояли на службе представители громких дворянских фамилий: А.А. Войнокуринский, Н.А. Кутузов, А.О. Поджио, Н.П. Перепечин, М.И. Челищев, В.Н. Пуцин, Н.Н. Языков, А.Г. Лопатин, Г.А. Лавров и другие.

Чуть позднее на государственной службе в Торопце состояли В.В. Голенищев-Кутузов, три брата Корвин-Круковские, В.В. Арбузов, П.П. Тулубьев, Ф.А. Нелидов, А.А. Юренев, И.Г. Ратманов, П.И. Большев... Список этот можно продолжить. Фамилия Мусоргских в Торопецком уезде считалась принадлежностью древнего дворянского рода, пользовалась авторитетом. Брат композитора гвардии прапорщик Филарет Петрович Мусоргский ряд лет (1862—1865) избирался депутатом Псковского дворянского собрания от дворян Торопецкого уезда. В «Памятной книжке Псковской губернии на 1879 год» оба брата Мусоргские /так в оригинале — Ю. П./ названы в числе общественных деятелей уезда. Они именуются как «почётные мировые судьи». Звание присваивалось наиболее уважаемым согражданам, пользующимся всеобщим признанием.

К сожалению, тема «Мусоргский в Торопце» не имеет после кончины П.А. Таланова своего исследователя. Пётр Алексеевич Таланов в свое время дотошно разобрался с родственными связями Мусоргских с дворянами Чириковыми, Зелеными, Кушелевыми, Голенищевыми-Кутузовыми.

Восстановится ли прежняя связь времен? Отыщутся ли энтузиасты, кого имя композитора вдохновит на дальнейшее исследование?

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Буякова Л.В. (Торопец), Воробьёв В.М. (Тверь). Обозначения профессий и занятий в мирских именах жителей Торопца и Торопецкого уезда в XVI веке.....</i>	<i>3</i>
<i>Воробьёв В.М. (Тверь). Древние пути сообщения на водоразделе Западной Двины и Ловати.....</i>	<i>5</i>
<i>Ермакова С.М. (Торопец). Церковь Покрова Божией Матери ("Сколько сии город ныне...").....</i>	<i>7</i>
<i>Кириллова Т.М. (Торопец). Население Торопца и уезда В XVI-XVIII веках</i>	<i>11</i>
<i>Кудашкин В.А. (Санкт-Петербург). Торопец в Отечественной войне 1812 года.....</i>	<i>16</i>
<i>Новиков Н.С. (Великие Луки). Мусоргские в Торопецком уезде</i>	<i>18</i>
<i>Сизов А.И. (Великие Луки). Судьба краеведа</i>	<i>21</i>
<i>Пискунов Г.А. (Санкт-Петербург). Комплектование и размещение полков русской армии в XVIII и начале XIX в. в городе Торопце.....</i>	<i>27</i>
<i>Попов Ю.Г. (Торопецкий район). Мусоргский в Торопце.....</i>	<i>31</i>